

А. В. Иванов
**ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

УДК 94(470.5)1914/19

ББК 63.3(235.55)534-68

Предметом исследования являются представления, сложившиеся в отечественной исторической науке об изменениях, происходивших в Оренбургском казачьем войске под воздействием Первой мировой войны 1914–1918 гг., которые в конечном счете обусловили индифферентность казачества в отношении революционных событий февраля 1917 г. Представлен анализ историографических источников, содержащих сведения о состоянии экономики и социальной сферы области Оренбургского казачьего войска, а также о влиянии тягот военного времени на трансформацию общественного сознания казачества. Подвергнута критике сложившаяся в советской историографии и бытующая по сей день традиция исключительно экономической детерминации недовольства казачества существовавшим режимом. Дана положительная оценка наметившейся тенденции включения в число факторов, определивших политическое поведение казачества, обстоятельств не только социально-экономического, но и социокультурного характера. Сделан вывод о расширении сферы применения антропологического подхода к исследованию процессов предреволюционной эпохи, в частности «рассказывания».

Ключевые слова: *история России, историография, XX век, Первая мировая война, Оренбургское казачье войско*

Историография российского казачества в последние два десятилетия переживает подлинный ренессанс. За этот период по данной проблематике опубликовано больше трудов, чем за предшествующие семьдесят лет. И если советская историческая наука направляла свои усилия в основном на изучение участия казачества в Гражданской войне, то сегодня мы становимся свидетелями смещения акцентов. Все больше внимания уделяется времени, предшествовавшему эпохе великих потрясений, поскольку именно здесь историки надеются найти ответ на не решенный до сих пор вопрос: почему казачество, которое власть рассматривала в качестве своей надежной опоры, не оказало поддержки гибнущему режиму, хотя впоследствии, по разным оценкам, 70–80 % его состава оказалось в рядах антибольшевистских сил?

В советской историографии хронологический отрезок 1914–1916 гг. традиционно рассматривался как канун революции 1917 г., как

период, в ходе которого вызревали ее объективные и субъективные предпосылки. Это соответствовало безраздельно господствовавшей в то время историко-материалистической парадигме. Исходя из приоритета экономики по отношению ко всем остальным сферам жизни общества, советская историческая наука полагала, что взрыв народного недовольства в 1917 г. прежде всего вызван материальными причинами: экономическим кризисом, ухудшением снабжения населения продовольствием и товарами первой необходимости и т. п.

С тем же шаблоном советские историки подходили и к изучению казачьих регионов. По их мнению, пассивность казачества в февральских, а затем и в октябрьских событиях была обусловлена его крайней усталостью от войны; упадком казачьих хозяйств вследствие мобилизации полков второй и третьей очереди, а также конских мобилизаций, реквизиций скота, введения твердых закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию; снижением уровня жизни в целом.¹

Безусловно, материальные факторы играли существенную роль в нарастании в казачьей

Иванов Алексей Викторович — к.и.н., доцент кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)
E-mail: ivanovav55@yandex.ru

¹ См.: Машин М. Д. Из истории родного края: Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 188; Ермолин А. П. Революция и казачество (1917–1920 гг.). М., 1982. С. 70, 71.

среде недовольства правительством и монархическим режимом. Однако абсолютизировать их, сводить всю совокупность причин лишь к ним было бы значительным упрощением той сложной ситуации, которая имела место в казачьих областях не только в период Первой мировой войны, но и накануне ее. Немаловажную роль в обострении ситуации играли те изменения, которые происходили в это время в коллективной психологии и мировоззрении казачества. Но если советская историография их полностью игнорировала, то в современной явно просматривается тенденция придания этим факторам решающего значения. Попытаемся показать обоснованность данного тезиса на примере историографии Оренбургского казачьего войска — третьего по численности в дореволюционной России.

Справедливости ради отмечу, что указанная тенденция лишь начинает пробивать себе дорогу. Большинство современных уральских историков, занимающихся казачьей проблематикой (например, А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов, Л. И. Футорянский), продолжают считать ухудшение материального положения главной причиной казачьей фронды.² При этом они ограничиваются лишь декларативными заявлениями, не подтверждая их конкретными статистическими выкладками, характеризующими снижение жизненного уровня. В частности, Л. И. Футорянский пишет о том, что «уход основной массы мужского населения на войну, отлив тягловой силы из казачьих хозяйств, резкое повышение цен на хозяйственный инвентарь... — все это и многое другое приводило к резкому сокращению посевных площадей, падению урожайности, росту цен на предметы первой необходимости».³ Никаких статистических данных, подтверждающих выводы, автор не приводит, несмотря на то что его труд позиционируется как научная монография, а не как популярное издание. Полагаю, причиной тому является несоответствие реальных фактов авторской концепции.

А факты, как ни банально это звучит, — вещь упрямая, и они говорят о следующем. Во-первых, мобилизация в период Первой мировой войны была далеко не всеобщей, и

ухода «основной массы мужского населения на войну», о чем пишет Л. И. Футорянский, не было. По данным А. В. Ганина, опирающегося на архивные документы, в Оренбургском казачьем войске было мобилизовано около 35 тыс. чел., что составило 7% от общей численности войскового населения и 31,5% мобилизационных ресурсов.⁴ Тем не менее, убыль рабочих рук была весьма ощутимой. Но она частично компенсировалась притоком беженцев из западных регионов страны. По данным статистики того времени, они были расселены в 60% населенных пунктов Оренбургской губернии, а их общая численность достигала (по разным данным) от 80 до 120 тыс. чел.⁵ По меньшей мере, треть из них были людьми работоспособного возраста, из которых, по свидетельствам современников, значительная часть работала по найму в сельском хозяйстве. Другим резервом рабочей силы были военнопленные, которых к осени 1916 г. в Оренбуржье было 11 388 чел.⁶ Их труд использовался не только на строительстве железных дорог, на рудниках и лесозаготовках, но и на сельхозработах. Таким образом, убыль рабочих рук в годы Первой мировой войны не имела катастрофических последствий для казачьих хозяйств.

Во-вторых, общая экономическая ситуация в Оренбургском казачьем войске также не была катастрофической. По данным войсковой хозяйственной статистики, введенным в научный оборот Т. К. Махровой, в 1914–1915 гг. был зафиксирован рост посевных площадей, а также максимальная с начала века численность лошадей (286 094) и количество скота на 100 жителей (197 голов).⁷ А. В. Ганин, основываясь на архивных материалах, доказывает, что посевные площади в казачьих хозяйствах за годы войны сократились незначительно — всего на 3,8%, а урожайность, по сравнению с предвоенным трехлетием, даже выросла.⁸ Что же касается поголовья рабочего скота, то, как отмечает Ф. А. Каминский, его сокращение шло еще медленнее, нежели

² См.: Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. С. 266; Футорянский Л. И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998. С. 167, 168.

³ Футорянский Л. И. Указ. соч. С. 167.

⁴ См.: Ганин А. В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 364.

⁵ См.: Там же. С. 545.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Махрова Т. К. Экономическое положение оренбургских казаков в годы Первой мировой войны // Оренбургское казачье войско: страницы истории XIX–XX вв. Челябинск, 1999. С. 99.

⁸ См.: Ганин А. В. Указ. соч. С. 544.

сокращение посевных площадей, что объясняется стремлением казаков сохранить фундамент экономической мощи хозяйств. Если в 1914 г. средняя обеспеченность одного двора рабочими лошадьми составляла 4,1 головы, то в 1917 г. — 3,9.⁹ Резко ухудшилось лишь положение отраслей, ориентированных на экспорт: уже в 1914 г. из имевшихся на территории Оренбургского казачьего войска 155 маслодельных и сыроваренных заводов не работало 124.¹⁰ Сокращение хлебного экспорта привело к затовариванию рынка. На войсковых складах и в казачьих амбарах накапливались значительные запасы зерна. Например, в станицах 2-го (Верхнеуральского) отдела излишек хлеба против кормовой и продовольственной потребности в 1915 г. составил 10 484 064 пуда.¹¹ Вследствие этого, утверждает Т. К. Махрова, «в военное время цены на продовольствие были даже ниже, чем в неурожайные 1911–1912 гг.».¹² Тем самым она опровергает, по крайней мере применительно к отдельно взятой Оренбургской губернии, укоренившееся в исторической науке представление о резком удорожании продовольствия в годы войны. Общий вывод, сделанный А. В. Ганиным, сводится к тому, что в годы Первой мировой войны экономика казачьих хозяйств подорвана не была.¹³

Вместе с тем следует отметить, что в 1916 г. начали проявляться элементы хозяйственного неблагополучия. Выросли цены на мясо, что было связано с изъятием скота из казачьих и крестьянских хозяйств для обеспечения продовольственных потребностей армии. На каждых трех членов семьи оставляли по одной молочной корове, остальные подлежали сдаче государству по твердой цене — от 4,8 до 6,5 руб. за пуд живого веса.¹⁴ Кроме того, сокращение производства товаров народного потребления привело к росту цен на них в среднем в 2–3 раза.¹⁵ Резко выросли цены и на предметы обязательной экипировки казака, выходявшего на службу. Как известно, казак приобретал за свой счет строевую лошадь и сбрую, холодное оружие и обмундирование.

Широкая мобилизация и необходимость восполнения боевых потерь привели к удорожанию прежде всего лошадей. Если в феврале 1914 г. строевая лошадь стоила 120–150 руб., то с началом войны ее цена подскочила в среднем на 50–70 руб.¹⁶

Живописуя трудности военного времени, а иногда и преувеличивая их масштаб, советская историография подчеркивала, что царское правительство самоустранилось от решения социальных проблем, а правящий режим был глух к нуждам и страданиям собственного народа. Исследования же современных историков опровергают этот устоявшийся миф. Меры по социальной поддержке населения принимались как центральными, так и местными органами власти. Так, например, семьям мобилизованных оказывалась помощь в проведении полевых работ. В 1915 г. в Оренбургской губернии казенные пособия и пайки получали 24 тыс. семей войскового и невойскового сословия.¹⁷ В 1916 г. было установлено казенное пособие казакам всех войск, призывавшимся на службу, в размере от 200 до 300 руб. — конным и от 50 до 100 руб. — пешим.¹⁸ Размер пособия зависел от разряда (строевой, запасной или ополчение), в котором состоял казак. В том же году вводится государственное регулирование цен на социально значимые товары — продукты питания и предметы первой необходимости, включая топливо.

Приведенные факты дают основания для вывода о том, что тяготы военного времени оказывали существенное влияние на морально-психологическое состояние казаков. Но они не были столь значительными, чтобы решающим образом изменить отношение казачества к правящему режиму и превратить его из опоры самодержавия, каковой оно было несколько веков, в силу, если не враждебную власти, то, по меньшей мере, индифферентную по отношению к ней.

Большинство как советских, так и современных авторов главную причину пассивности казачества видят в усталости казаков от войны, длившейся к моменту начала революционных событий два с половиной года. Но почему-то никто из исследователей не вспоминает о том, что на протяжении предшествовавших веков казачья служба была пра-

⁹ См.: Каминский Ф. А. Казачество Южного Урала и Западной Сибири в первой четверти XX века. Магнитогорск, 2001. С. 96.

¹⁰ См.: Махрова Т. К. Указ. соч. С. 99.

¹¹ См.: Там же. С. 100.

¹² Там же.

¹³ См.: Ганин А. В. Указ. соч. С. 656.

¹⁴ См.: Махрова Т. К. Указ. соч. С. 104.

¹⁵ См.: Ганин А. В. Указ. соч. С. 547.

¹⁶ См.: Махрова Т. К. Указ. соч. С. 103.

¹⁷ См.: Там же. С. 101.

¹⁸ См.: Там же. С. 104.

ктически пожизненной, что в войнах XVIII и XIX столетий казачьи полки нередко находились в составе действующей армии по 4–6 лет, и это не вызывало ни недовольства, ни «усталости». Оренбургские казаки, например, более века вели перманентную войну с соседями-казахами (по терминологии того времени — киргизами), а затем в течение двух десятилетий участвовали в кампании по завоеванию Средней Азии. И это не спровоцировало их на антиправительственные выступления.

Из современных историков лишь А. В. Ганин пришел к выводу о том, что проблема заключается не в материальных трудностях как таковых, а в отношении к ним людей.¹⁹ Если быть более точным — в изменении восприятия казаками военной службы, ее места в ряду нравственных ценностей. Вплоть до второй половины XIX в. военная служба была профессией казака, без нее он не мыслил своей жизни. Все остальные промыслы (скотоводство, рыболовство и пр.) были подсобными, а земледелие вплоть до конца XVII в. было под строжайшим запретом, как род деятельности, несовместимо со службой легкой степной кавалерии. Однако с 70-х гг. XIX в. большинство казачьих войск перестали быть приграничными. Функция же казачьих станиц и поселков как опорных пунктов в борьбе со степными кочевниками постепенно отмерла. Это стимулировало активизацию хозяйственной деятельности казаков — казачество начало «окрестьяниваться». Не случайно именно в начале XX в. казачьи области превращаются в регионы ориентированного на рынок земледелия и животноводства. В результате хозяйственные интересы казачества вошли в противоречие с необходимостью исполнения воинской повинности, которая, как известно, была для казаков существенно более тяжелой, чем для других категорий населения. Срок казачьей службы, в соответствии с высочайше утвержденным 10 июля 1876 г. Положением о военной службе казаков Оренбургского войска, составлял 20 лет, из которых 3 года приходилось на допризывную подготовку, 4 года — на действительную службу и еще 13 лет — на службу в запасе, причем в течение первых 8 лет казаки обязаны были регулярно являться полностью экипированными на продолжительные лагерные сборы. В связи с этим

даже числящиеся в запасе не имели права покидать свои станицы без особого на то разрешения войскового начальства. С 1909 г. срок службы был сокращен до 18 лет, правда за счет сокращения времени пребывания в przygotowительном разряде.

Все это привело к тому, что значительная часть казаков, особенно зажиточных, стала рассматривать военную службу не как первостепенную задачу, а как фактор, отвлекавший их от хозяйственных работ и даже ведущий к разорению. Не будем забывать, что, будучи освобожденными от поземельного налога, казаки, кроме воинской, несли целый ряд других повинностей. В частности, в состав общеземских повинностей входили: дорожная; постоянно-квартирная; арестантско-этапная; конвой для сопровождения почт; тушение лесных и степных пожаров. Но ими дело не ограничивалось. Существовали еще и станичные повинности: караульная; подводная повинность с летучей почтой; содержание хлебных и санных запасов; содержание случных пунктов и жеребцов для конно-плодовых табунов; содержание дорог, перевозов и паромов; истребление вредных животных и насекомых; содержание штатов станичных и поселковых (хуторских) правлений; устройство и ремонт общественных зданий; содержание пожарных обозов; содержание школ и приемных покоев. В денежном выражении все повинности требовали от казака годового расхода в 50–70 руб., что было весьма обременительно.²⁰ К тому же многие из них к началу XX в. устарели, поскольку были связаны с прежней почти пожизненной казачьей службой, с отсутствием необходимой транспортной, административной и социальной инфраструктуры. При этом на иногороднее население казачьих областей распространялась лишь небольшая часть перечисленных повинностей (дорожная, подводная и постоянно-квартирная) и обязанность внесения посаженной платы за дворовое место. Конечно, в отличие от казаков, оно не могло бесплатно пользоваться пашенными землями и сенокосами, но при крайне низкой арендной плате (в Оренбуржье можно было арендовать душевой казачий надел всего за 5–10 руб. в год) это не составляло большой проблемы. Таким образом, экономическое положение иногороднего населения, не обремененного казачьими повинностями,

¹⁹ См.: Ганин А. В. Указ. соч. С. 90, 95, 96, 654.

²⁰ См.: Там же. С. 78.

было гораздо более благополучным: иногородние арендовали земельные участки, покупали добротные дома, вели активную торговую и промысловую деятельность и богатели на фоне снижения уровня материального благосостояния основной массы казачества. Это привело к тому, что во всех казачьих войсках имели место случаи выхода из войскового сословия тех, кого стесняли ограничения, обусловленные особым характером казачьей службы, — в первую очередь крупных предпринимателей, коммерческую деятельность которых осложняло отсутствие свободы передвижения, а также некоторых представителей казачьей интеллигенции, постоянно проживавших вне войсковой территории и в силу этого утративших навыки военной службы. Их количество было не столь велико, но сам этот факт был симптоматичным. В подтверждение этого утверждения можно привести очень точное наблюдение П. Н. Краснова, который характеризует внутреннюю ситуацию в казачьих войсках накануне Первой мировой войны следующим образом: «Все погрязли в хозяйственных заботах. Все думы о гарницах, выгодной покупке сена, экономической крупе. Перед вами хозяева и коммерсанты, недурные управляющие скотными дворами, но не кавалеристы».²¹ Снижение уровня подготовки казачьей молодежи отмечалось во многих документах того времени. Например, приводились факты выхода на службу казаков, не владеющих холодным и огнестрельным оружием, более того — не умеющих обращаться с лошадью.

Таким образом, казачество постепенно теряло те специфические социальные признаки, которые были присущи ему на протяжении нескольких веков. Впоследствии этот процесс — процесс прекращения существования (безусловно, не абсолютного, а атрибутивно) этого социально-этнического феномена — получил наименование «расказачивания». В историографии российского зарубежья, как и в большинстве трудов современных российских историков, «расказачивание» прочно увязывается с политикой советской власти, которая по завершении Гражданской войны последовательно проводила курс на ликвидацию всех сословных ограничений и привилегий, в том числе и казачьих. Однако ряд исследователей (в частности, М. Д. Машин,

Т. К. Махрова) вполне обоснованно настаивают на том, что процесс «расказачивания» начался, как минимум, за полвека до прихода к власти большевиков и представлял собой естественное эволюционное развитие российского общества, искусственно форсированное и силовыми методами доведенное до конца в период революционной смуты.²² Не вызывает сомнения и то, что упразднение казачества как сословной категории имело объективный характер, поскольку корпоративное устройство общества, деление его на социальные группы, наделенные особыми правами, в новых исторических условиях себя изжило. Можно сказать, феномен «расказачивания» был обусловлен необходимостью модернизации российского общества. Поэтому отнюдь не случайно то, что именно в последней трети XIX в. «казачий вопрос» становится предметом обсуждения в высших сферах Российского государства. В правительственных кругах высказывались мнения о низком уровне боевых качеств казачьих войск, о чрезмерной обособленности казачества, о том, что оно изжило себя в новых условиях. На основании этого выдвигались предложения о лишении казачества особого социального статуса и о переводе его на положение податного сословия.²³ Следует отметить, что такого рода взгляды имели веское обоснование.

Во-первых, как уже отмечалось, к концу XIX в. основные казачьи войска (за исключением Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского) вследствие территориального роста Российского государства оказались во внутренних регионах страны и утратили функции непосредственной охраны и обороны границ. Во-вторых, рост технической оснащенности армий вероятных противников, насыщение их скорострельными артиллерийскими системами, а в начале XX в. — и пулеметами, ставили под сомнение возможность использования в боевых действиях крупных кавалерийских соединений в конном строю, а следовательно, и необходимость сохранения особого статуса казачества как главного поставщика воинов-кавалеристов. В-третьих, технический прогресс в

²² См.: Машин М. Д. Оренбургское казачье войско. 2-е изд., испр. Челябинск, 2000. С. 123–125, 157–164; Махрова Т. К. Взаимоотношения казачества и государственной власти в XVIII — начале XX вв. (На материалах Оренбургского и Уральского казачьих войск): дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2004. С. 115–135.

²³ См.: Машин М. Д. Оренбургское казачье войско. С. 123.

²¹ Цит. по: Ганин А. В. Указ. соч. С. 96.

военном деле приводил к удорожанию экипировки военнослужащего. Так, если в середине XIX в. суммарная стоимость экипировки и строевой лошади составляла от 70 до 100 руб., то полвека спустя она возросла до 200 руб., а к 1912 г. — до 250–300 руб.²⁴ Государство было вынуждено взять на себя часть этих расходов: оно выплачивало каждому казаку, впервые выходящему на службу, 100-рублевое пособие. Военные расходы государства на содержание казачьих частей постепенно выравнивались с расходами на содержание регулярных сил. Итак, факторы «расказачивания» были вполне объективными.

Тяжесть возложенных на казачество повинностей вызывала недовольство в его среде. Некоторые представители наиболее радикальной части войсковой интеллигенции высказывали мысли об упразднении казачьего сословия и предоставлении казакам гражданских прав наравне с прочим населением, в частности полной свободы передвижения, выбора рода деятельности и службы по их усмотрению. Такого рода предложение было вынесено на рассмотрение Государственной Думы депутатом от Оренбургского казачьего войска Т. И. Седельниковым.²⁵ Однако оно не получило поддержки ни в правительственных кругах, ни среди казачества. Несмотря на очевидный анахронизм войсковой системы, основанной на сословном делении общества, тормозившем процессы социальной модернизации, власти стремились сохранить сложившиеся устои.

Что же касается самого казачества, то оно заняло довольно двойственную позицию. Его общее настроение выражалось в следующих «чаяниях»: повысить жалованье, выплачиваемое находящимся на службе казакам, компенсировать за счет государства расходы на приобретение обмундирования и снаряжения, упразднить наиболее обременительные повинности (дорожную, подводную и т. п.) и практику проведения ежегодных учебных лагерных сборов для находившихся в льготном разряде казаков, отслуживших действительную службу в первоочередных полках. (Отрывая трудоспособных мужчин от хозяйственной деятельности, эти сборы приносили, по мнению казаков, больше вреда, чем пользы.) Одновременно казачество требовало обеспечить

по всем войскам выполнение 30-десятиной земельной нормы.²⁶ При этом вопрос о распространении на казачье сословие поземельного налога, от которого оно было освобождено в связи со снаряжением на службу за свой счет, даже и не поднимался. Таким образом, казачество стремилось избавиться от большей части возлагаемых на него государственных повинностей, но при этом сохранить за собой привилегированное положение в части земельного обеспечения и налогообложения.

Это свидетельствует о том, что параллельно хозяйственному шло нравственное «расказачивание». К тому же изменение восприятия военной службы привело к деградации многих моральных устоев, бывших прежде неотъемлемыми атрибутами казачества, таких качеств как набожность, монархизм, почитание старших по чину и возрасту. На смену им в начале XX в. пришли совершенно не характерные для казачества явления: алкоголизм, приобретший массовый характер, упадок дисциплины, проявление неуважения по отношению к старикам, апатия к обязанностям по службе. Вот что писал, например, атаман одного из отделов Сибирского казачьего войска В. Путинцев: «... пьянство, лень и праздность царят в казачьей среде, разъедая ее в корне, так как теперь пьют меньше старики, а больше молодежь. Пьют малолетки, пьют девушки-подростки... Пьют, пользуясь каждым удобным и неудобным случаем, начиная с покупки коня или коровы и кончая именинами... Благодаря такому пьянству в наших станицах и поселках в праздничные дни господствует бесшабашный разгул, приправленный бранью, пьяными скабресными песнями, дракой между молодежью, уличным развратом... Во время этого разгула почтенному казаку, старушке, священнику, учительнице лучше и не показываться на улице в местах сборищ пьяных головорезов, ибо того и гляди, ни за что ни про что, каждый может получить незаслуженное оскорбление...»²⁷ По данным статистики того времени, в Оренбургском казачьем войске в предвоенные годы значительно выросло потребление алкоголя, достигнув невиданно высокого показателя: на душу обоого пола в год приходилось 0,75 ведра (9,2 литра) водки, реализованной через казенные питей-

²⁴ См.: Там же. С. 174.

²⁵ См.: Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Указ. соч. С. 259.

²⁶ См.: Там же; История казачества Азиатской России: в 3 т. Т. 2: Вторая половина XIX — начало XX века. Екатеринбург, 1995. С. 107, 108.

²⁷ Цит. по: Ганин А. В. Указ. соч. С. 90.

ные заведения.²⁸ Естественно, эта статистика не учитывала пиво, а также алкогольные напитки, изготовлявшиеся в домашних условиях.

Утрата нравственных ориентиров, в том числе главного — святости воинской службы, привела в период Первой мировой войны значительную часть казачества, особенно молодежь, к духовной деградации. Отношение к военной службе как к обременительной повинности, от которой следует избавиться, помноженное на тяготы и лишения окопной жизни и многократно усиленное антиправительственной пропагандой и агитацией левых партий, сформировало у казаков фронтовых частей стойкое неприятие политики правительства, направленной на продолжение войны. Именно поэтому они не оказали никакой поддержки монархии, которой казачество верой и правдой служило несколько веков. Что

же касается казаков старших возрастов, находившихся в своих станицах, то, привыкшие к строгой дисциплине и субординации, они ждали распоряжений начальства. Когда же генералитет русской армии, в том числе и казачий, выступил в пользу отречения Николая II, они приняли это как неизбежность, не поддающуюся их разумению, но освященную силой приказа и традицией повиновения.

В заключение хотелось бы отметить, что представленный вниманию читателя историографический обзор трудов современных историков, касающихся заявленной проблемы, позволяет сделать вывод о наметившейся в отечественной исторической науке тенденции отказа от преваляровавшей ранее экономической детерминации социально-политических процессов в пользу антропологического подхода к их исследованию.

Alexey V. Ivanov

Candidate of Historical Sciences, Ural State Economic University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ivanovav55@yandex.ru

ORENBURG COSSACK FORCES DURING WORLD WAR I: CURRENT TRENDS IN HISTORIOGRAPHY

The article focuses on the study of the established in the Russian historical research understanding of the changes occurring in the Orenburg Cossack forces under the effect of World War I of 1914–1918, which in the final count predetermined the indifferent position of the Cossacks in the revolutionary events of February 1917. The article presents an analysis of historiographic sources containing information about the state of the economics and welfare in the regions of the Orenburg Cossack forces, as well as the influences of the war time hardships on the transformation of public opinion among the Cossacks. The author criticized the established in the Russian historiography and still prevailing tradition of explaining the Cossacks' discontent with the existing regime exclusively from the positions of economic determination. The author supports the emerging trend of inclusion in the group of factors which determined the political behavior of the Cossacks, of the social and cultural circumstances in addition to the social and economic ones. The author draws a conclusion on the need to expand the sphere of application of the anthropological approach to the study of the processes of the pre-revolution period, and particularly the “decossackization” processes.

Key words: *Russian history, historiography, XX century, World War I, Orenburg Cossack army*

REFERENCES

- Abramovskiy A. P., Kobzov V. S. *Orenburgskoe kazache voysko v trekh vekakh* [Orenburg Cossack army in three centuries]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1999, 450 p. (in Russ.).
- Ermolin A. P. *Revolutsiya i kazachestvo (1917–1920 gg.)* [Revolution and the Cossacks (1917–1920)]. Moscow: Mysl Publ., 1982, 224 p. (in Russ.).
- Futoryanskiy L. I. *Kazachestvo Rossii na rubezhe vekov* [Russian Cossacks at the turn of the century]. Orenburg: Dimur Publ., 1998, 200 p. (in Russ.).
- Ganin A. V. *Nakanune katastrofy. Orenburgskoe kazache voysko v kontse XIX — nachale XX v. (1891–1917 gg.)* [On the eve of the disaster. Orenburg Cossack army in the late XIX — early XX century (1891–1917)]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2008, 686 p. (in Russ.).

²⁸ См.: Там же. С. 91.

Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii [History of Cossacks Russian Asian]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1995, Vol. 2, 254 p. (in Russ.).

Kaminskiy F. A. *Kazachestvo Yuzhnogo Urala i Zapadnoy Sibiri v pervoy chetverti XX veka* [Cossacks of the Southern Urals and Western Siberia in the first quarter of the XX century]. Magnitogorsk: "Minitip" Publ., 2001, 272 p. (in Russ.).

Makhrova T. K. *Orenburgskoe kazache voysko: stranitsy istorii XIX–XX vv.* [Orenburg Cossack army: the pages of history XIX–XX centuries]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1999, pp. 98–107. (in Russ.).

Makhrova T. K. *Vzaimootnosheniya kazachestva i gosudarstvennoy vlasti v XVIII — nachale XX vv. (na materialakh Orenburgskogo i Uralskogo kazachikh voysk). Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Relationship of the Cossacks and the government in the XVIII — beginning of XX centuries (on materials of Orenburg and Ural Cossack troops). Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Chelyabinsk, 2004, 500 p. (in Russ.).

Mashin M. D. *Iz istorii rodnogo kraya: Orenburgskoe kazache voysko* [From the history of his native land: Orenburg Cossack army]. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1976, 192 p. (in Russ.).

Mashin M. D. *Orenburgskoe kazache voysko* [Orenburg Cossack army]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2000, 191 p. (in Russ.).